

18+

Владимир Семибратов

Крестом и пулемётом

Владимир Семибратов
Крестом и пулемётом

«Издательские решения»

Семибратов В.

Крестом и пулемётом / В. Семибратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515798-0

История нашего современника — священнослужителя Русской православной церкви, попавшего в результате спонтанного перемещения во времени на Великую Отечественную войну.

ISBN 978-5-00-515798-0

© Семибратов В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Партизан поневоле	7
Глава 1. Исповедь – начало	7
Глава 2. У черты	8
Глава 3. Попаданец	12
Глава 4. Жора-партизан	18
Глава 5. Отряд	25
Глава 6. Лицо войны	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Крестом и пулемётом

Владимир Семибратов

© Владимир Семибратов, 2020

ISBN 978-5-0051-5798-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попаданцы, то есть путешественники во времени, бывают разные: мужчины и женщины, молодые и в возрасте, богатые и не очень, партийные и сочувствующие. А вот может ли стать попаданцем лицо духовного звания – священнослужитель Русской православной церкви, например? Почему нет? Ибо чаша сия никого не минует, да и процесс перемещения во времени крайне прост. Сломалась в пути машина, и мобильник почему-то вдруг отказал. Что делать? Понятно – за помощью в ближайшую деревню напрямик через лес идти. Вот и пошёл батюшка через лес. Вошёл с одной стороны леса, вышел с другой, из России современной века XXI – в Советский Союз века XX, года 41-го, месяца июля, где на всю страну всего 150 православных церквей действующих осталось, и попов на дверях их храмов ещё совсем недавно вешали да в ГУЛАГ ссылали. А тут ещё и война, немцы пожаловали. И что делать? Что дальше будет? На всё воля Божья.

Предисловие

Эта книга в серии литературных произведений о попаданцах несколько необычна. Главный герой, провалившийся в прошлое, лицо духовного звания – священнослужитель Русской православной церкви. Вот и выходит стандартный сюжет при нестандартном персонаже. А почему такое нетривиальное название? Так это просто. В советской антирелигиозной пропаганде был плакат с одноимённым названием. На нём изображён жандарм, который с колокольни церкви из пулемёта «Максим» расстреливает демонстрацию рабочих, а два попа в сем «богоугодном деле» ему помогают. Ну а автор решил этот плакат отзеркалить, сделав по смыслу обратным. Ибо не такой в годы Великой Отечественной войны была церковь православная, а иной. Средства на оборону страны собирала, в бой на защиту Родины бойцов благословляла. И пулемёты тоже были, конечно, причём не только системы Максима и Дегтярёва, но и «МГ» трофейные. «МГ» для партизан сподручней, недостатка в трофейных патронах не наблюдается...

Священнослужителям Русской
православной церкви – участникам
Великой Отечественной войны
Посвящается.

Часть 1. Партизан поневоле

Глава 1. Исповедь – начало

На табло индикатора мелькали цифры, отсчитывая пройденные лифтом этажи. Сегодня очень важный день, очень, такой же, как и тогда, когда он был рукоположен и стал батюшкой. Да, батюшкой. Отец Георгий вгляделся в своё отражение в никелированной облицовке. Всё как и положено: подрясник, скуфья, крест. Только бороды нет, что несколько необычно и сразу бросается в глаза. Но это всего лишь внешний антураж, а вот внутри? Что обо всём случившемся скажет протоиерей Александр? Допустит ли он теперь его к служению? Крайний, да крайний, а не последний раз они виделись две недели назад, когда документы на отпуск оформлял. Благословил его тогда на богоугодное дело отец настоятель на поездку в составе группы поисковиков, что погибших на Великой Отечественной войне солдат ищут и земле, как положено, со всеми почестями придают. А потом произошло такое, о чём, кроме самых близких, только отцу Александру и его жене матушке Наталье рассказать можно, потому что другим... На индикаторе высветилось 17, лифт остановился. Вот и прибыли. Отец Георгий пошёл к дверям квартиры протоиерея. Всё, как и раньше. Тот же дом, новая высотка, тот же подъезд, где они соседи с разницей в 15 этажей. Но теперь всё уже будет по другому, даже если и должно было быть иначе.

Дверь открыл сам настоятель. – Отец Георгий, здравствуйте! Вернулись. Ну что же, проходите. А?..

В его взгляде мелькнуло удивление.

– Борода где? И сами на себя непохожи, – подсказала вышедшая в коридор матушка Наталья.

– Как будто бы постарел лет на пять, – подтвердил её догадку отец Георгий.

– Вот об этом мне с вами, отец Александр, очень серьёзно поговорить надо, можно сказать, исповедаться. И пусть матушка Наталья тоже послушает, потому что это касается нас всех.

Они прошли в одну из комнат. Икона в красном углу, большой книжный шкаф, диван, два кресла, телевизор, комод, на котором вставлена в рамку старая фотография. Два лётчика, а если точнее – лётчик и воздушный стрелок на фоне штурмовика «ИЛ-2». Фото из далёкой военной молодости отца Александра. Отец Георгий взял с комода фотографию.

– Отец Александр, это вы и ваш воздушный стрелок Жора – Медведев Георгий Владимирович. Фотография сделана 9 мая 1945 года, в День Победы в Берлине.

– Да. А какое это имеет отношение?.. Протоиерей, не договорив, быстро перевёл взгляд с фотографии на улыбающегося отца Георгия.

– Правильно, я на него очень, очень похож. А теперь слушайте.

Глава 2. У черты

Аминь. Два гроба с останками солдат, павших на Великой Отечественной войне, опустили в могилу.

«Ну вот и всё, – подумал отец Георгий, наблюдая за тем, как над свежим захоронением устанавливают памятник. – Можно сказать, что экспедиция этого года завершена. Пятерых погибших на этот раз обнаружить удалось. И что самое интересное, двое – местные, из этой деревни, дома последний бой приняли. Может, оно и к лучшему. В родной земле упокоятся, что с солдатами в войну ой как нечасто бывает. А впрочем, это уже совсем другая история. Мы своё дело сделали, теперь бы и домой не мешало, тем более что завтра день рождения, 33 года исполняется. Надо успеть обязательно. Только бы машину местные „кулибины“ починили, а то ведь её на буксире до ближайшего автосервиса гнать придётся, тогда уж точно опоздаем».

Ж-ж-ж, – завибрировал в кармане мобильный.

– Так, кто это? А, мастер звонит. Ну что же, будем надеяться, что с хорошими новостями... Да, слушаю.

– Батюшка, машина готова, можете забирать, – раздалось из трубки.

– Вот и отлично, – отец Георгий улыбнулся, – сейчас подойду.

– В общем так, обратился он к стоящим рядом поисковикам:

– Езжайте, снимайте лагерь, а я – за машиной, потом в магазин, продуктов на обратную дорогу прикуплю. У выезда на шоссе встретимся.

– Нет, надо было всё же отдать предпочтение отечественному автопрому, констатировал отец Георгий после пятой но увы безуспешной попытки завести двигатель. Может, наши машины и менее надёжны, но в них хотя бы электрика попроще, не то что в иномарке, где работа двигателя внутреннего сгорания контролируется компьютером. Или не контролируется. Вот как сейчас, например, с соответствующим результатом. Мотор заглох намертво. Шестая и последняя попытка.

Ну, ну, давай!!! Опять ничего. «Ладно, хватит лбом об стену биться. Своих вызванивать надо, – решил отец Георгий. – Во-первых, попросить, чтобы „ГАЗель“ с буксиром прислали, чтобы колымагу эту в деревню к мастеру, а лучше всё же в автосервис оттащить, и, во-вторых, что самое главное, сообщить своё местонахождение. Потому как он не к месту встречи у выезда на шоссе, как условились, поехал, а к лагерю экспедиции свернул. Вроде времени ещё хватало, и, стало быть, можно в сборах помочь. „Помог“. И что самое неприятное, от места раскопок к шоссе две дороги идут, а стало быть, шанс на счастливую встречу – 50 на 50. Так что... Решим вопрос радикально».

«Нет ответа сети», – высветилась надпись на экране айфона.

– Как нет? Тут же вышка рядом, – удивился отец Георгий. – Хорошо, попробуем «Билайн», если у «Мегафона» проблемы со связью.

Но и «Билайн» молчал.

«Нет ответа сети», – зловеще мерцала на экране всё та же надпись.

– Стоп, а МЧС, 112 где? – спохватился отец Георгий. – Ведь он же в любой точке Земли работать должен. Вызов экстренных служб, навигация и так далее – оно же всё через спутник идёт. Или?

Изображение внезапно стусевалось, экран погас.

– Так, всё ясно – картина Репина «Позвонил». Это не со связью проблема, это мобильный, как и мотор, в одночасье приказал долго жить. И ведь надо же, айфон то новый совсем, перед выездом в экспедицию купил. За ползарплаты! Продавец чуть ли не на кресте клялся, что не китайский. Ладно, домой приеду – разберусь. Но это потом, а сейчас-то что делать?

И действительно, ситуация складывалась патовая. Один на лесной дороге, машина сломалась, связи нет, и искать его в худшем случае будут полдня, что просто неприемлемо. Домой опоздает гарантированно.

«Что делать, что делать?» – вертелась в голове мысль. И вдруг... Решение пришло неожиданно. Ну да, точно! Здесь же до деревни только в окружную далеко, а через лес, напрямик, километра два. Если поторопиться, минут тридцать ходу. Позвонить оттуда, и всё ещё можно исправить. А если что, на лобовом стекле записка.

«В общем, не буду терять времени», – решил про себя отец Георгий и, заперев машину, быстрым шагом направился в сторону деревни.

– Так, а куда это я попал? – удивлённо произнёс отец Георгий, выйдя на опушку леса. Деревня где? И что это за декорация? Тут что, кино про Великую Отечественную войну снимают?

И действительно, открывшийся перед ним пейзаж говорил именно об этом. Вместо довольно крупного населённого пункта с тремя сотнями домов, в основном современной постройки, который должен был быть на этом месте, тут имелось всего с десяток низеньких бревенчатых избышек, протянувшихся вдоль единственной деревенской улицы. Как есть деревенька первой половины двадцатого века. И народу никого, что для села днём, да ещё и летом нереально в принципе. Уж кто-нибудь, да в огороде копать будет или во дворе делать чего-то. А здесь пусто. Но зато возле крайнего у въезда в деревню дома был припаркован немецкий колёсно-гусеничный БТР с белым крестом на броне, возле которого топтались пятеро «немцев».

– Ну точно, кино снимают, – решил отец Георгий.

Причём как всё натурально обставлено: и солдаты по всей форме с винтовками, и БТР «Sd. Kfz.251», кажется, да и деревню для съёмок соорудили что надо. Дома, заборы, даже огороды засеяны, вон – помидоры на грядках спеют, а рядом арбузы и огурцы. Видать, фильм высокобюджетный будет, иначе зачем такая точность в деталях? Вот только одно непонятно: ведь чтобы всё это сделать и построить, не один месяц надо. Как минимум, с весны возились, а в округе об этом ни слуху, ни духу. И ещё – киногруппа где? Раз здесь и сейчас кино съёмку ведут, то где-то рядом кинокамеры обязательно должны быть, ассистенты, помощники разные, режиссёр наконец, который всем этим процессом руководит. Но ни тех, ни других, ни третьих не видно. Или, может быть, это новая метода такая теперь применяется, чтобы актёрам играть не мешать, в образ вживаться то есть, всё на скрытую камеру снимают? Что же, не исключено, как и то, что никакие они не актёры, а исторические реконструкторы, которые какое-то из событий Великой Отечественной войны разыграть решили.

«Ладно, разберёмся», – решил отец Георгий и уже хотел было направиться в сторону «немцев», чтобы расспросить их о том, что тут вообще происходит, и попросить позвонить по мобильнику. Но что-то его удержало. Какое-то смутное интуитивное ощущение опасности не пустило вперёд...

А между тем события развивались своим чередом. Хлопнула входная дверь, на крыльцо дома вышел офицер в чёрной эсэсовской форме, неся в руках какой-то свёрток, рывкнул что-то солдатам на явно немецком языке. Те попрыгали в кузов, офицер залез в кабину рядом с водителем.

«Э-э-э! Куда? А позвонить? Мне же мобильник нужен», – спохватился отец Георгий и со всех ног бросился вслед уезжающим «немцам».

Поздно. Пробежать быстро стометровку с препятствиями в виде огородной растительности и забора не так-то просто вообще, а в подрыснике в особенности. Он ведь под ногами путается и за всё, что из земли торчит, норовит зацепиться... В общем, к тому моменту, как он успел добежать до места стоянки БТРа, тот успел скрыться за поворотом лесной дороги.

Та-а-ак. От всего происходящего очень захотелось выть. Ну ещё бы! Сначала машина, потом телефон, потом в лесу заблудился, не туда вышел и, наконец, «немцев», вернее реконструкторов, не догнал. И всё в один день. Ну прямо Иов многострадальный, часть вторая. А то, что это именно реконструкторы, а не актёры, теперь было ясно, как дважды два четыре, потому что в противном случае другие участники съёмок фильма уже давно бы себя обнаружили с претензиями: кто он такой да зачем в кадр влез? Если, конечно, сценарий не предусматривал спринтерский забег попа через огород. Но смех смехом, а ситуация вернулась к своей исходной точке, но только в куда более худшем варианте. Теперь он даже толком не знает, где находится, и искать его будут действительно долго. Скорее всего, отметить завтрашний день рождения дома уже нереально. Хотя, конечно, не исключено, что может произойти чудо, и реконструкторы внезапно вернуться. Что же – и такое может случиться, на всё воля Божья. Да вот только в свете всего происшедшего в возможность возникновения чуда здесь и сейчас верилось с трудом. Вероятнее всего, придётся провести здесь ночь. И то хорошо, хоть крыша над головой будет на случай дождя.

– Ладно, посмотрим, что внутри, – решил отец Георгий и направился к дому. Вблизи дом ничуть не утратил своей натуральности. Более того, она возросла. Старые, потемневшие от времени бревенчатые стены, крыльцо, по деревянным ступеням которого, как было видно с первого взгляда, ходили много лет. По спине у отца Георгия пробежал неприятный холодок. Это была не декорация. Нет-нет, дом был самый настоящий. И этот, и другие во всей деревне тоже.

– И куда же это он попал?

В сенях на столе возле окна стоял глиняный горшок с квашнёй, распространяя кисловатый запах дрожжей.

– Есть кто живой? – громко спросил отец Георгий. Никакого ответа. Он толкнул дверь в комнату. На полу возле большой русской печи лежала пожилая, судя по виду, лет за восемьдесят женщина с окровавленной головой.

– Что с вами, бабушка? Вы живы?

– А-а-а, – простонала женщина.

Её веки дрогнули, она открыла глаза. – Слава Богу, живая. Я сейчас.

Осторожно, чтобы не сделать ей хуже, отец Георгий взял женщину на руки и перенёс на стоящую в углу комнаты железную кровать, а потом перевязал ей голову её же платком.

Ничего себе реконструкторы! Они же бабушку чуть не убили головой об печку. Заигрались в немцев. Или не реконструкторы это были, а кто? Неонацисты, точно. Шабаш здесь свой устроили. Им же хуже. Сейчас в полицию позвоню. БТР – машина приметная, на первом же посту повяжут. Да – и «скорую» тоже вызвать надо.

Он машинально достал мобильник. «Нет ответа сети», – высветилось на экране.

Ах да, телефон же сломан. Хотя нет, ведь тогда на дороге он вообще не работал, а сейчас только сеть не берёт. Попробуем перезагрузить. Но перезагрузка ничего не дала. Работало всё: фото, видео, диктофон и прочие функции, но самого нужного – связи – не было.

«Нет ответа сети», – по-прежнему светилось на экране.

«Стоп! А может, у неё мобильный есть? – вдруг подумал отец Георгий. – Ну да, наверняка есть, раз одна живёт».

– Бабушка, у вас телефон имеется? – обратился он к женщине.

– Нет. Откуда? Только в сельсовете у председателя до войны был, пока немцы не пришли, – последовал едва слышный ответ. – И икону, икону мою забрали, Николая Чудотворца, ирод, офицер немецкий забрал. Я её от власти советской безбожной прятала, а как немцы пришли, так в красный угол повесила. Думала всё, погонят немцы большевиков, а немец её...

«Так, спрашивать бесполезно, – констатировал отец Георгий. – Она от шока немецкую оккупацию вспомнила и тех старых нацистов с новыми перепутала. Придётся самому поискать».

Комната маленькая, а телефон, как правило, всегда под рукой. А икону-то у неё, судя по всему, действительно украли, – машинально подумал отец Георгий, беглым взглядом оглядев комнату. – Лампадка в красном углу на месте, а вот иконы нет. Но это сейчас не главное. Мобильник, мобильник нужен! Тогда и неонацистов посадят, и икону вернут. Где же он может быть? Так – на столе нет, на печке нет. На сундуке под газетой? Ох ты, вот это газета! За 22 июня 1941 года, речь Молотова о нападении Германии на первой полосе, и сохранилась идеально, будто новая совсем».

Отец Георгий взял газету в руки и остолбенел. Газета была новая. Да-да, новая, и ошибки здесь быть не могло. Пальцы явно ощущали новизну бумаги, а в воздухе ощущался едва заметный запах типографской краски. Но как? Откуда здесь новая газета семидесятидвухлетней давности? Неонацисты реплику распечатали и тут оставили? Зачем? Или... Он резко обернулся.

– Бабушка! Какое сегодня число? Год какой?

– Сорок первый, июль месяц, двадцать второе сегодня, вон календарь на стен... – женщина, запнувшись на полуслове, закрыла глаза.

«Отошла, – понял отец Георгий. – Царствие ей небесное... Но сорок первый год! Этого же быть не может...» Он глянул на висящий возле кровати календарь. Год 1941, 24-й год Великой Октябрьской социалистической революции, следовало из надписи на численнике. Все даты истекших месяцев, включая 21 июля, были аккуратно перечёркнуты крестиками.

Глава 3. Попаданец

– Так. И что мне теперь делать? – задал себе вопрос отец Георгий после того, как, выйдя из состояния прострации, снова обрёл способность соображать.

А о том, что он провалился во времени в прошлое и попал из 2012 года в 1941-й, сомнений уже не было, потому как факты говорили сами за себя. И было этих фактов много, невероятно много, начиная от уже известных и кончая недавно возникшими. Таки-ми как, например, пролёт звена пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» и появление на небе луны в фазе первой четверти. И это при том, что вчера, 22 июля 2012 года, было полнолуние. Железное доказательство хроноперемещения. Да и как оно само, это перемещение, произошло и где, тоже несложно установить, если некоторые подробности «марш-броска» через лес от заглушенной машины до деревни вспомнить. Низина в лесу была вроде оврага, только пологая очень, и воздух такой плотный-плотный, как бы дымкой подёрнутый. Там и был портал, и нигде больше, ведь перемещения во времени, если Бермудский треугольник и ещё массу тому подобных примеров вспомнить, всегда сопровождаются образованием тумана и отказом электроники из-за сильных электромагнитных возмущений. Вот почему машина заглухла и мобильник отказал. Не из-за брака производителя, нет – дыра во времени начала открываться. Эх, ему бы подождать чуть-чуть, а не через лес лосем ломиться, сейчас бы уже домой ехал завтрашние именины, 33 года, отмечать. А теперь?

– А теперь минус 39 завтра отмечать буду, – резюмировал отец Георгий. И хватит, не о том думаю. Ах, если бы да кабы! Все мы задним умом сильны, вот только толку? План, план нужен, как из всего этого выкрутиться.

И он начал просчитывать варианты действий.

Первое и самое простое, что можно сделать, это вернуться в лес и уйти в своё время сквозь портал. Звучит заманчиво, а на деле практически нереально. Почему? Ответ очевиден. Временная дыра – это не машина времени: подошёл, нужную дату набрал, ткнул пальцем – и дома. Нет, так не будет. Природные временные дыры по заказу не работают и куда надо не доставляют, да и не каждый день открываются. Вот как сейчас например. Дыра-то уже наверняка закрылась, если по состоянию мобильника судить. Нормально работает, без сбоев, а это означает только одно: идти в лес бестолку. Ну а тогда что же остаётся? Сердце отца Георгия мучительно сжалось, он вдруг со всей ясностью осознал, что ему, скорее всего, навсегда придётся остаться здесь. Да-да, именно навсегда, без каких-либо шансов вернуться. И тот привычный мир, мир будущего, его мир со всем, что в нём было, для него потерян. А если он его и увидит, то лишь через много-много лет, на самом исходе жизни – и никак иначе. **START**

Но как, почему, зачем, за какие такие грехи Господь Бог отправил его сюда, в 1941 год, на войну в сталинский Советский Союз, да и ещё накануне дня рождения? За что такой подарок от Господа? В сознании бушевал океан вопросов, но ответов не было.

– Хватит, хватит, – отец Георгий помотал головой, пытаясь привести мысли в порядок и погасить перехлёстывающие через край эмоции. Будем разбираться поэтапно, с холодным рассудком, а иначе, как минимум, инфаркт заработать можно, если не что-нибудь похуже. Итак, как провалился во времени, выяснил. Далее – за какие такие грехи в прошлое, на войну, в сталинский СССР Господь отправил? Ну это вряд ли за грехи. Нет, он, конечно же, не святой, да вот только нигде не сказано, чтобы грешников вот так во времени перекидывало. Нет, им другая дорога после Страшного Суда уготована – муки адские. А стало быть, это ему не наказание, нет, тут что-то другое, но что? Испытание веры либо дело от Господа. Скорее всего. Ведь не зря же он в 33 года сюда попал. Столько же Христу перед распятием было, и время подходящее – война кругом и коммунистическая безбожная власть вокруг. Самое то. И казавшаяся столь трагической и безысходной ситуация предстала вдруг в более выгодном свете, ибо

впереди появился вполне реальный шанс вернуться в своё время. А действительно, почему нет? Вот выполнит он то, для чего сюда послан, и...

– Шанс, во всяком случае, на возвращение имеется, – подытожил отец Георгий.

– Отлично. Ну а сейчас-то что конкретно делать? – снова задал он себе тот же вопрос.

И почти тут же получил на него ответ, но не в виде голоса свыше, дающего ему пошаговые инструкции для выполнения возложенной на него миссии, нет. Ответ был более прозаичным и страшным – в виде звука мотора подъезжающего к дому мотоцикла.

Отца Георгия как током ударило. Это же немцы, а они... Хозяйку уже убили, он следующий, и бежать некуда. Чёрного хода нет, выхода на чердак тоже. Мышеловка. Хотя на мотоцикле больше трёх человек не ездят, и если напасть неожиданно, то... Эх, ещё бы оружие было. Он окинул взглядом комнату в поисках чего-нибудь подходящего. Ага, есть! На столе возле печки лежал длинный, сантиметров тридцать, кухонный нож с довольно широким лезвием. То, что надо. Самое популярное в мире оружие после автомата Калашникова, ну или ППШа по нынешним временам. Осторожный взгляд в окно. Немец приехал один. Тот самый офицер, что икону украл. С этим в два счёта справимся. Ножом в живот – и всего делов, тем более он про засаду в доме не знает. Встав возле двери, отец Георгий взял нож обратным хватом и стал ждать. Заскрипели ступеньки крыльца, и в дверном проёме появился ничего не подозревающий немец. Удар. Лезвие по самую рукоять почти без сопротивления вошло немцу в солнечное сплетение. Тот разинул рот, но, так и не издав ни звука, как подкошенный рухнул на пол.

«Готов, – сразу понял отец Георгий. – С одного удара, так просто...»

А теперь что? Руки стали противно дрожать, а к горлу подкатил колючий комок, перехватив дыхание. Ещё бы, он же не маньяк, который людей как сосиски режет. Не так-то легко это – ножом человека убить. Даже врага, во всяком случае, в первый раз. Потом да, привык. Финкой по горлу или шею набок, чтобы часовой тревогу не поднял. Просто и как-то даже обыденно стало. А уж из автомата или пулемёта, так это вообще никаких сомнений: очередь дал и забыл. Но это потом.

Шок прошёл гораздо быстрее, чем тот, первый, от перемещения во времени.

«Вот и ответ, что конкретно сейчас делать», – подумал отец Георгий, переворачивая убитого. Воевать, а как же иначе? Раз война идёт, куда же денешься? Не в плен же сдаваться! Нет конечно. Оба деда войну прошли, да и он теперь, считай, тоже воюет. Вот уже и личный боевой счёт открыл. Небольшой, правда, всего в одну единицу, ну ничего, даст Бог, увеличим, тем более есть из чего. В кобуре у немца оказался штатный «Люгер-08», он же «Парабеллум», оружие-легенда. Отец Георгий повертел его в руках, попутно вспоминая всё, что когда-либо читал или слышал об этой разработке инженера Люгера. В общем и целом пистолет был неплох, хотя дорог в производстве и сложноват по конструкции. Но зато высокая скорострельность и точность боя для отца Георгия, как для неопытного стрелка, были весьма кстати.

– Ладно, изучим устройство, – бормотал себе под нос отец Георгий. – Фиксатор магазина у спусковой скобы, предохранитель флажкового типа, затвор коленно-шарнирный. Так, а зарядность сколько? Вроде бы восемь патронов.

Выщелкнул обойму. Да, патронов было именно восемь штук.

– Странно, – удивился отец Георгий. – Это что же выходит – немец оружие в небоевом положении держал, что ли? Вогнав обойму обратно и сняв оружие с предохранителя, передёрнул мотыль затвора. Да, точно – в небоевом. Ну надо же, какая беспечность! Как у себя дома, ничего не бояться, а впрочем, им же хуже. Скоро их партизаны научат что к чему. С пистолетом под подушкой спать придётся, да ещё и для верности гранатами обложившись, потому как это им не Европа, где лес от парка не отличается. Здесь буреломы дремучие, в которых армию партизанскую спрятать можно, не то что отряд в пару сотен бойцов...

Мысли отца Георгия внезапно резко поменяли направление. А почему бы ему самому, вместо того чтобы через линию фронта к своим пробиваться, не попробовать сколотить партизанский отряд здесь, на месте, и устроить немцам весёлую жизнь?

«А действительно, идея что надо», – немного подумав, решил отец Георгий.

Тем более в его-то положении. Ведь до своих не один десяток километров по тылам немецким топать придётся, линию фронта переходить к тому же, и это всё при полном отсутствии каких-либо военных навыков. Наверняка не дойдёт. Ну а если вдруг и получится, то уж особого отдела не миновать точно. И что тогда? Документов нет, политической обстановкой не владеет, да и вообще не похож он на современников. Подозрительно это, а на войне подозрительный – считай шпион, расстреляют у ближайшей стенки. Вот и выходит, что одна ему дорога – в партизаны. Да и там, конечно, проблема из-за отсутствия документов возникнуть может, но хотя бы не в такой жёсткой форме, потому как у партизан особых отделов нет, это во-первых. А во-вторых, не всё население СССР паспортизировано. Деревенским в случае чего справку выдают: кто ты и откуда. И факт сей общеизвестен. Ну и, наконец, даже если не выдавать себя за сельского жителя, на которого он тоже не похож, то и тогда риск минимальный. Нет у меня документов, сгорели в поезде при бомбёжке вместе с вещами. Да, всё так и было. И что с того? Воевать отсутствие паспорта мне не мешает.

– Ну и отлично, остановимся на партизанских действиях, – решил отец Георгий.

– Тем более считай, что уже начал. Итак, что для этого понадобится? Оружие. Есть пистолет, после добудем ещё что-нибудь посерьёзнее. Прочная, износоустойчивая одежда тоже имеется. Под подрясником – камуфляж армейский, в котором на раскопе работал. Обувь? С этим сложнее – летние туфли, в них долго не проходишь. Сапоги нужны. Хотя немец с ним одной комплекции, его обувь должна подойти. Далее – продукты питания и вещмешок. С этим тоже проблем нет. У немцев по первому времени брать можно, они с собой НЗ возят. Вещмешок. В доме обязательно что-нибудь подходящее да найдётся. В общем, всё, диспозицию определили, начнём сборы.

В отношении обуви отец Георгий не ошибся, сапоги пришлись впору, да и ремень с кобурой на камуфляже смотрелся весьма эффектно. Как есть партизан – и даже с бородой. Если спросят, одежда, обувь и «Парабеллум» – всё трофейное.

Кстати о «Парабеллуме». Проверить бы его. Но это небезопасно. Хотя деревня и на отшибе стоит, всё равно стрельба привлечь внимание может. «Так что лучше не рисковать, – взвесив все за и против, решил отец Георгий. – Впереди ещё много времени, настроюсь».

С продуктами оказалось хуже. Нет, они были, конечно, да вот только в малотранспортбельном виде. Мука, картошка, лук в довольно значительных количествах обнаружались в подполе. Но не тащить же это всё с собой по лесам. Неудобно, да и испортиться может.

«Вот если бы консервы были... – подумал отец Георгий. – А впрочем, надо мотоцикл проверить, там наверняка НЗ имеется».

Мотоцикл оказался настоящим кладом. Во – первых, на сиденье лежал автомат

«МП-38», в просторечии «Шмайссер», и подсумок снаряженных магазинов. А во-вторых, в багажнике был целый склад провизии, начиная от разных мясных консервов и кончая галетами и шоколадом.

– Да, это я удачно зашёл, – вспомнил отец Георгий крылатую фразу из фильма про путешествие во времени. – Тут на неделю усиленного питания одному хватит, если не больше. И главное, есть в чём всё это с собой носить. Вот он, аналог вещмешка. Немецкий пехотный ранец из толстой телячьей кожи был аккуратно уложен возле стенки багажника. Удобно и комфортно. Лямки на плечи – и хоть пешком до Берлина. А что внутри? Как ни странно, ранец был доверху набит рваными тряпками.

– Интересно, и зачем это немцу столько ветоши понадобилось? – удивился отец Георгий. – Мотоцикл от пыли отмывать, что ли?

Под слоем тряпок на самом дне оказалась деревянная коробка, а в ней... А в ней аккуратно упакованная ватой лежала икона Николая Чудотворца. Но какая! Массивный оклад из литого золота с камнями. Кроваво-красные рубины, голубые сапфиры, зелёные изумруды общим числом двенадцать украшали нимб святого.

– Господи! Чудо-то какое! – отец Георгий приложился к образу. Всё ясно, это той бабушки икона, и теперь вполне понятно, почему немец сюда ещё раз наведаться захотел. Дом обыскать решил. Что же, в логике ему не откажешь. Ещё бы! Раз здесь икона такая прямо на виду в избе висела, грабь не хочу, то что же тогда по углам быть запрятано может? Небось на сундук с золотыми червонцами рассчитывал – и не меньше. Вот почему один и приехал. Зачем с другими делиться, самому пригодится? Пригодилось... Но что же с иконой делать? Не возвращать же её в дом. Хозяйка мертва, некому икону возвращать, да и нельзя. Ещё раз немцы приедут или полицаи – заграбастают. А если...

Отец Георгий с надеждой посмотрел в сторону леса, где был временной портал. Не для того ли он Господом сюда направлен, чтобы икону спасти? Ведь если так, то какие-нибудь полчаса – и он в своём времени. Вот было бы счастье! Как там мобильник, не барахлит? Нет, в норме. Но, с другой стороны, это было бы уж слишком просто. Сквозь портал прошёл, немца зарезал, икону забрал – и домой. Тривиально даже. Хотя и эту версию со счетов тоже сбрасывать не стоит, ибо сказано в Писании о неисповедимости путей Господних, а потому к порталу сходить по любому надо, хотя бы на всякий случай. Ну а если закрыт портал, тогда как? В землю икону закопать до лучших времён, а потом?.. Не вариант. Он на войне, и вернётся ли с неё живым или нет, точно не знает, а если бы и знал, всё равно нельзя. Спец контейнер нужен, а его нет. Вот и выходит, что с собой придётся икону носить, а при случае передать представителям безбожной советской власти. Да, именно так и никак иначе, и риска в этом нет никакого, потому что, хотя большевики в Бога и не верят, но цену ювелирным изделиям и произведениям искусства знают. А стоимость этой иконы по ценам чёрного рынка начала XXI века – от миллиона и выше, долларов разумеется. А это гарантия, что на золото и камни не разберут. Она целая дороже стоит. Максимум в фонд обороны пойдёт. Что же, пусть так. Не в первый раз на Руси колокола на пушки льют. Бережно, для большей сохранности обернув бесценную коробку несколькими слоями ткани, отец Георгий поместил её на дно ранца, а сверху пристроил весь свой продуктовый набор.

Всё или нет? Ах да, карта! Ещё карта нужна. Без неё как без рук. Где же она может быть? В карманах у немца её не было, значит, в мотоцикле, но где? Планшет обнаружился под сиденьем люльки. Отец Георгий внимательно рассмотрел содержимое планшета. Карты всего здешнего района – это хорошо, и масштаб нормальный, пятисотка. Компас бы ещё для комплекта, но тут уж, как говорится, хорошего понемножку. Ещё что? Вроде всё. Хотя нет, бабушку ещё похоронить надо, но нельзя, времени нет, и так сверх всякой меры здесь задержался. Немца уже наверняка ищут.

«Ну тогда в дорогу. Прости, бабушка», – с этой мыслью отец Георгий направился в лес.

Предположение о местонахождении портала оправдалось на все сто. Примерно четверть часа хода по собственным, довольно хорошо различимым на слегка влажной почве следам, и вот он. Отпечатки ног резко обрывались на самой середине оврага. Но ни марева, ни тумана, конечно же, не было уже и в помине. Временная дыра закрылась, отрезав дорогу в будущее.

– Ну, в общем, этого и следовало ожидать, – вздохнул отец Георгий. – А всё же ориентиры места запомнить надо. По правую сторону большой валун, по левую тоже, но раза в два поменьше, а впереди, метрах в пятнадцати, тоже два валуна, но рядом ещё и высокий дуб.

«Ж-ж-ж», – завибрировал в кармане мобильник. Что, неужели портал открывается? Но где же туман? Отец Георгий достал телефон. Нет, ложная тревога – просто аккумулятор

почти разрядился, всего пять процентов осталось. Можно выбрасывать, зарядника то всё равно нет, а если бы и был, что толку звонить? Всё равно некому, к тому же свои увидят, так вопросов не оберёшься. Или, может быть... Да это лучше, чем выбросить. Дойдя до дальней группы валунов, отец Георгий вырыл небольшую ямку, чтобы спрятать там мобильник и крест. Пусть подождут его возвращения по ту сторону портала. Ведь помещённые в полиэтиленовый пакет предметы могут храниться, не ржавея и не разрушаясь, многие десятки лет. Тем более что айфон пластиковый, а крест из анодированной нержавеющей стали.

«Какой же я теперь батюшка без креста? – думал отец Георгий, аккуратно разравнивая землю. – Хотя зачем он мне теперь нужен? Я же... О Господи!»

Это был третий удар судьбы за один день.

«Ибо если кто погибнет от руки твоей, будешь извергнут из сана», – вдруг неожиданно всплыла в памяти одна короткая фраза. Но это был приговор. Приговор его священству. Ведь нельзя ему убивать никого и ни при каких обстоятельствах. Нельзя, и всё тут! А он убил. Да, убил! Пусть немца, пусть фашиста, пусть врага, пусть защищаясь, но убил, и нет ему теперь оправдания, Богом не пред- усмотрено. Не батюшка он больше, сана лишился.

– И что же мне теперь делать? Отец Георгий растерянно посмотрел вокруг, отыскивая ответ. Но его не было. Вернее был ответ, простой и очевидный: не батюшка – и кончен сказ. И как же после всего этого жить?

С неба послышался шум авиационных моторов. Отец Георгий поднял голову. Меж облаков мелькали силуэты немецких пикировщиков.

«На бомбёжку летят, – мелькнула в голове мысль. – А я...» И вдруг ему стало стыдно за своё малодушие. Ещё бы, сана, видите ли, лишился, премного потерял. А кто-то сейчас запросто под бомбами жизнь теряет. Ничего? Да если и не жизнь, а здоровье, скажем, – разве намного лучше? Каково это, например, художнику без рук остаться или балерине без ноги? А хоть и не балерине. Вот как, скажем, матушка Наталья, жена протоиерея Александра, в девятнадцать лет на этой самой войне ногу потеряла и живет семь десятков лет, на протезе ковыляя. Дети, внуки, правнуки у них. И потом... Отец Георгий попытался схватиться за соломинку: ведь есть же священники – участники войн, а хотя нет, они же до рукоположения убивали, не после. Не после? Неожиданно ситуация предстала в крайне противоречивом свете. С одной стороны – убил он немца после того, как батюшкой стал, то есть через восемь лет служения, а с другой – аж за тридцать девять лет до собственного рождения. Парадокс. И как его разрешить? Мысль упёрлась в стену, а на ум пришло когда-то услышанное четверостишие:

Был этот мир великой тьмой окутан.

Да будет свет! И вот явился Ньютон.

Но Сатана недолго ждал реванша —

Пришёл Эйнштейн, и стало всё как раньше.

– Ну Эйнштейну эйнштейново, а Богу божие, – отец Георгий попытался поставить вопрос ребром.

Если бы выбор ему предложили: ради чего он согласен сана лишиться? Защита Родины в это входит?

– Входит, – улыбнулся отец Георгий. – Однозначно входит, а раз так, не батюшка он теперь или относительно не батюшка, а воин, защитник Отечества, партизан, и в этом для него всё.

– Ладно, – отец Георгий поднял с земли ранец, – больше здесь делать нечего. Судя по карте, в паре километров на север болото, туда немцы точно не сунутся. Заночую там, а утром... А утром – война.

Весь остаток дня и вечер отец Георгий потратил на изучение трофейного автомата и «Парабеллума», а также тренировки – по пластунски учился ползать. Ещё бы, пехотинцу без этого умения никак. Потом поужинал трофейными, кстати, самоподогревающимися консер-

вами, положил под голову ранец и почти мгновенно заснул. Так закончился его первый день на войне.

Глава 4. Жора-партизан

«Итого: мотодрезина с охраной через каждый час, поезда через каждые тридцать минут», – подытожил отец Георгий результат трёхчасового наблюдения за мостом. В принципе, вполне даже осуществимая диверсия, если учесть, что охранников всего четверо в двух будках по обе стороны моста и вооружены они только винтовками. К тому же лес подступает чуть ли не вплотную. Так что... Идея пустить под откос немецкий эшелон пришла отцу Георгию утром во время завтрака, когда он прикидывал, чем сегодня займется. Сначала эта мысль выглядела чистой авантюрой, но потом, оценив все за и против, отец Георгий решил попробовать. Ну, во всяком случае, на разведку сходить-то можно, тем более что, судя по трофейной карте, всего-то пять-шесть километров, и вот он мост. А там? А там по обстановке. Если охраны человек сто и доты пулемётные, то, конечно, о диверсии на мосту и думать не стоит. Он же не терминатор из ЖМ-сплава.

А вот если нет...

Оказалось – нет.

«Да, из „Шмайссера“ всех четверых, даже если с этого дерева стрелять, достать одной очередью явно не удастся», – подумал отец Георгий, прикинув расстояние до дальней будки охраны: метров сто пятьдесят, не меньше. Предельная дальность для пистолета-пулемёта, тем более если учесть его навыки. Два магазина, тренируясь сегодня, расстрелял. Впечатление так себе, вблизи неплохо, а вот по дальним целям... Ну и, кроме того, ещё не факт, что у охранников гранаты имеются. А если нет, что тогда – зубами рельсы кусать? И такой из этого вывод: с диверсией слегка подождать придётся, пока он пулемет ручной и, как минимум, две-три гранаты не добудет. Но это вряд ли проблема: у одиночных мотоциклистов позаимствовать можно. Немцы-то ещё непуганые, колоннами не ходят.

Ладно, с Богом. Осторожно, чтобы не привлечь внимание охраны моста, отец Георгий спустился с дерева и направился к ближайшей просёлочной дороге.

«На ловца и зверь бежит. Вернее, стоит и ремонтируется», – подумал отец Георгий, беря на прицел двух немцев, меняющих заднее колесо мотоцикла. А главное, пулемет у них в наличии и гранаты наверняка есть. Лучшего и не надо. Короткая очередь по групповой цели – оба упали. Держа наизготовку автомат, мало ли что, отец Георгий подошел к мотоциклу. Но его опасения не оправдались: немцы были мертвы. Так, с этими ясно, а как там с гранатами? Открыл багажник люльки – ага, четыре штуки и две дополнительных ленты к пулемёту. Кроме всего прочего, консервы – тоже пригодятся. У водителя «Парабеллум» – надо с собой взять. Два пистолета – не один, а ещё винтовка со штык-ножом в ножнах. Ну, винтовка не нужна, автомат лучше, а вот штык-нож – вещь полезная. И ещё фляжку для воды прихватить обязательно. Ведь своя, что из пластика, – предмет не современный. Вроде всё. Хотя нет, не всё. Трупы и мотоцикл спрятать надо, чтобы раньше времени тревогу не подняли, а то обнаружат убитых, охрану на мосту усилить могут, и тогда – прощай диверсия.

Запихнув трупы немцев в люльку, отец Георгий волоком, чтобы не создавать лишнего шума, откатил мотоцикл подальше в лес, а потом, взвалив на плечи пулемет, двинулся в обратный путь.

За время его отсутствия на мосту ничего не изменилось. График движения патрульных мотодрезин и поездов остался прежним. Да и охрана не увеличилась – всё те же четверо: двое в будке сидят, двое снаружи топчутся или прохаживаются вдоль путей – никаких признаков тревоги.

Ну, Господи, помоги. Осенив себя крестным знаменем, отец Георгий передернул затвор пулемёта и, поймав в прицел самого дальнего часового, нажал спуск. Пулемёт ударил трассером, буквально разрезав немца напополам. Из окон сторожевой будки полетели осколки стекла.

Доворот ствола вправо, и вот уже второй часовой, изрешеченный пулями, падает на рельсы. Теперь будку сверху до низу – вдруг немец на пол успел упасть. Щелчок, лента кончилась, пулемет замолчал. А вот теперь дело в скорости. Спрыгнув с дерева и держа наизготовку автомат, отец Георгий буквально взлетел на мост. Первое – проверил охрану. Все шестеро были мертвы. Здорово общитался: в будке, оказывается, по двое было. Ладно, теперь не страшно. Всё равно тревогу поднять не успели. Телефонные аппараты повреждены пулями. Но на будущее надо быть повнимательнее. Как у них с гранатами? У каждого по две штуки, итого двенадцать плюс ещё шесть. Восемнадцать в итоге, должно хватить. Подсунув гранаты под стык рельсов на самой середине моста, отец Георгий срезал кусок телефонного провода, один конец которого прикрепил к силовой ферме, а другой соединил с запальными шнурами гранат, получив таким образом растяжку. Готово. Пора уходить. Или всё же посмотреть на деяния рук своих? Вроде всё тихо. Желание посмотреть победило.

«Так и быть, посмотрю», – решил отец Георгий. Тем более первая диверсия – память на всю жизнь. Только отойти надо подальше, а то, не дай Бог, в эшелоне боеприпасы будут, мало не покажется.

Вот что хорошо у немцев, так это точность. Поезд появился минута в минуту. Отец Георгий затаил дыхание. Паровоз въехал на мост... Ну вот, сейчас... А вдруг не сработает, а вдруг силы взрыва не хватит, а вдруг?.. Лёгкий хлопок под колёсами тендера, сверкнуло пламя, и первая платформа с установленным на нём танком вильнула в сторону, закачалась. Грохот, скрип, скрежет! Сплошная мясорубка из разбитых платформ, покорёженных танков и перевёрнутых вагонов!

Лишь паровоз уцелел, успев по чистой случайности проскочить мост. Остановившись неподалёку, он начал давать один за другим длинные гудки, подавая сигнал бедствия. Непорядок. Паровоз – машина ценная, без него железная дорога всего лишь пара рельс. Ничего, сейчас доработаем. Длинная, на всю ленту очередь по паровозному котлу. Вот теперь то, что надо. Призывные гудки тут же прекратились, уступив место пронзительному свисту. Из многочисленных пробоев били струи пара.

Отец Георгий оценивающе посмотрел на расстрелянный паровоз. Теперь его долго латать будут. Эх, жалко гранатомёта нет, а то бы разнёс вдребезги. Хотя в принципе, конечно, можно ещё добавить. Но всего одна лента осталась, а патроны пригодиться могут. Тем паче и так сделал всё, что мог, если не сказать больше, чем мог. Паровоз – в дуршлаг, мост повреждён, танки в лучшем случае отправят на завод для ремонта, а в худшем – на металлолом. И это сделал он один!

Ладно, полюбовался и хватит. Как говорится, хорошего по немножку. Отец Георгий взвалил на плечи пулемёт и быстрым шагом направился на запад, чтобы сбить со следа возможную погоню, справедливо полагая, что немцы припишут диверсию какой-нибудь выходящей из окружения воинской части и начнут поиски в восточном направлении. Он был безмерно доволен случившимся. Ещё бы! Сегодня ему в одиночку удалось нанести колоссальный урон врагу. Пустить под откос эшелон с бронетехникой – это ведь... Даже если он ничего больше в этой войне сделать не сможет, и то его сегодняшней вклад в будущую победу уже немалый.

Пять часов вечера, или, по-военному, 17.00. Всё, привал. Отец Георгий в изнеможении опустился на землю. И так два часа по лесу петлял, путая следы на случай, если с собаками искать станут. Хотя, может быть, и не стоило так осторожничать. Ну кто на диверсанта-одиночку подумает? Тем более сапоги немецкие. Но, с другой стороны, ещё не факт, что немцы только версией окруженцев удовлетворятся и облаву по всем правилам не устроят. А вот тогда-то его осторожность и будет более чем кстати. Не зря же наиболее эффективно действовавшие партизанские отряды, такие как соединения Ковпака и группа ОСНАЗа «Ходоки», использовали именно эту тактику. Максимальная подвижность и максимальная маскировка. Никаких долговременных партизанских баз и схронов. Ударил, отошёл, исчез. Вот и он так же действо-

вать будет и в одиночку, и с отрядом – по возможности всё время в движении. Пусть поищут. Вдали вдруг послышался всё нарастающий шум автомобильного мотора. Отец Георгий насто- рожился: облава? Хотя нет, вряд ли – лай собак не слышно. Но тогда что? Может, дорога рядом. Сверился с картой – да, есть грунтовка от ближайшей деревни к шоссе, мимо озера идёт. Шум мотора неожиданно смолк. Так, остановились. Причём, судя по звуку, машина оди- ночная и находится где-то в районе озера, а это значит, либо сломались, либо рыбку ловят.

А что – это идея: охота на рыбаков! Не эшелон с танками, конечно, но на безрыбье и рак рыба. Боеприпасы к тому же пополнить не мешает, хотя бы ещё одну ленту к пулемёту запо- лучить и пару гранат. С этой мыслью отец Георгий направился в сторону источника звука.

Его предположения о цели визита немцев к озеру оправдалось лишь частично. Нет, немцы не рыбачили. Они купались, и было их не два и не три, а целых двенадцать. Да ещё вме- сто грузовика БТР с пулемётом. Правда, не колёсно-гусеничный, а просто колёсный, но от этого ненамного легче. Пулемёт, девять винтовок и три автомата под прикрытием брони. Перевес сил явно не в его пользу. Стоит ли игра свеч? Или всё же попробовать? Ведь немцы сейчас расслаблены и нападения не ожидают. Но тут совершенно неожиданно в ход событий вмешался случай. Вдруг один из немцев вылез из воды и, отряхнувшись, направился в сторону леса, но не в ту, где скрывался отец Георгий, а в противоположную. И куда это он? Вопрос остался без ответа по той простой причине, что не успел немец дойти до опушки леса, как оттуда загре- мели выстрелы. Один, второй, третий! Стреляли явно из винтовок, Этого отец Георгий никак не ожидал, да и немцы тоже. В общем, пока длилась немая сцена, неизвестные стрелки, ско- рее всего партизаны, успели завалить, кроме первого «путешественника», ещё пятерых окку- пантов. Но на этом всё и кончилось. Оставшиеся в живых немцы успели добраться до сложен- ного на берегу оружия и открыли ответный огонь, причём один из них по небольшой ложбине пополз к БТРу с явным намерением пустить в ход пулемёт.

«Так! А я чего ворон считаю? Своим помогать надо, – подумал отец Георгий и взял на прицел ползущего к БТРу немца, который сейчас был наиболее опасен. Короткая очередь. Готов. Теперь остальные. Промаяхнуться менее чем с полусотни метров по пятерым неподвиж- ным целям было невозможно. Немцы отправились на тот свет, очевидно, так и не поняв, что попали в огненный мешок. Ведь по ним с тыла вел огонь их родной «MG-34», звук которого они прекрасно знали. Поняли или не поняли – неважно. Стрельба с их стороны прекратилась. Над озером повисла звенящая тишина.

«Ладно, пойдём знакомиться с товарищами», – решил отец Георгий. Подхватив пулемёт и машинально отметив, что на этот раз, ведя огонь короткими очередями, он расстрелял только треть ленты, он вышел на берег озера. Так, и где же товарищи? А вот они. Навстречу, держа в руках трофейные винтовки, вышли трое. Но не партизаны, окруженцы. Два офицера или, как принято говорить в этом времени, два командира и девушка-санинструктор. Тот, что постарше и слегка хромает, судя по всему, комиссар, решил отец Георгий. На рукаве красная звезда нашита. Причём комиссар от авиации, с синими петлицами. Второй примерно его возраста, петлицы зелёные, должно быть, пограничник или что-то в этом роде, если учесть, что у него фуражка с васильковым околышем. А санинструктор не иначе как из студенток, ей лет двадцать от силы, видать, с начала войны мобилизована. Ей бы сейчас не воевать, а с мальчишками в парке культуры под духовой оркестр или...

– Здравия желаю! Комиссар Ульянов Иван Тимофеевич.

– Сержант госбезопасности Шилов Алексей Владимирович, особый отдел Западного пограничного округа.

– Санинструктор Ёжикова Наталья Николаевна.

Прервав ход мыслей представились окруженцы.

«Во влип – НКВД и советская власть в одном флаконе, – растерянно подумал отец Георгий. – А я без документов. И как же мне теперь? Мне же тоже назваться надо». И вдруг совершенно неожиданно для себя выдал:

– Жора-партизан, – но, увидев на себе удивлённо-настороженные взгляды, тут же добавил: – Медведев Георгий Владимирович. А на одежду, сапоги и ранец не смотрите, они, как и оружие, трофейные.

– Партизан! – обрадовалась санинструктор. – А до места расположения вашего отряда далеко? Товарищ комиссар ранен, правда, не тяжело – ноги осколками посекло. Но идти может с трудом.

– Нет у меня отряда... – вздохнул отец Георгий. – Один партизану пока...

Особист с комиссаром переглянулись.

– Товарищи! – отец Георгий решил взять инициативу в свои руки. – Тут до шоссе километров пять, не больше. Стрельбу могли слышать, так что предлагаю все объяснения оставить на потом, а сейчас уходить надо. И если вы, товарищ комиссар, идти не можете, давайте попробуем уехать на БТРе хотя бы на несколько километров. Лес не очень густой, а у этой машины проходимость хорошая. Да и следы запутать удастся. Кто же подумает, что партизаны или окруженцы бронетранспортёром воспользовались?

– Согласен, – кивнул комиссар. – Только трупы в озере надо утопить, чтобы фрицы сразу не поняли, что к чему.

– Ну, это само собой, – улыбнулся отец Георгий, – рыбам ведь тоже кушать надо.

«Уборка местности» заняла не более пяти минут. Убитых немцев сбросили в озеро, а трофейное оружие, за исключением трёх автоматов, которыми тут же взамен винтовок вооружились окруженцы, сложили в кузов БТРа, решив прихватить с собой на всякий случай.

Вроде всё – отец Георгий внимательно оглядел берег. Хорошо они с особистом поработали. С первого взгляда и не скажешь, что менее десяти минут назад здесь шёл бой. Ладно, едем. Он залез в кабину.

– Уверен, что сможешь управлять? – с тревогой в голосе спросил сидящий на соседнем сиденье комиссар.

– Попробую. На полуторке ездить приходилось, – пожал плечами отец Георгий.

«Вернее, на „Зиле Бычок“, – закончил он про себя. – БТР вряд ли сложнее. Главное – завести». Внимательно осмотрел приборную панель. Да, конечно, никакого ключа зажигания здесь не будет. Запуск, скорее всего, от простого тумблера или кнопки. Что же, применим метод тыка. Двигатель завёлся с третьей попытки. Ну вот и отлично. Передачу на первую скорость – и поехали. Развернувшись и проехав в сторону деревни по грунтовке, отец Георгий свернул в лес и повёл БТР в западном направлении, обрабатывая тем самым свою утреннюю стратегию маскировки. Пусть на востоке ищут, а мы в другую сторону.

Предположение отца Георгия о проходимости бронетранспортёра через лес вполне себя оправдало. Правда, ехать пришлось крайне медленно, постоянно объезжая деревья, в результате чего скорость движения не превышала скорости пешехода, но это было всё же быстрее, чем идти пешком, подстраиваясь к возможностям передвижения раненого комиссара. Так ехали минут сорок, как вдруг неожиданно сверху послышался шум авиационных моторов и интенсивная пулемётная стрельба.

Отец Георгий резко затормозил и, высунувшись из кабины, глянул вверх. В небе кипел воздушный бой. Три «Мессершмитта ВФ-109» гонялись за «ИЛ-2». Поочередно атакуя, они пытались зайти нашему штурмовику в хвост. Но это было не так-то просто. Пилот «ИЛа» крутил высший пилотаж, каждый раз уходя из-под огня. Очередная атака. Разогнавшись на вертикали, «Мессершмитт» дал очередь, но за мгновение до этого штурмовик крутнул бочку, и пулемётная трасса прошла далеко за его хвостом. «Мессершмитт» отвалил в сторону, уступая место своему товарищу, но штурмовик снова крутнул бочку, и четыре пунктира пулеметно-пушеч-

ных трасс буквально разорвали «Мессершмитт» на куски. Немец, занимавший как раз позицию для атаки и явно не ожидавший такого поворота событий, резко уйдя в сторону, сорвался в штопор, из которого так и не вышел, попав под очередной залп штурмовика. Но на этом везение нашего лётчика закончилось. Сверху его атаковал третий «Мессершмитт», буквально прошив пулеметной очередью от винта до хвоста.

Всё, конец, – подумал отец Георгий. – Кабину наверняка вдребезги, а это значит... Но он ошибся. Оставляя за собой широкий дымный шлейф, штурмовик начал набирать высоту.

– Сейчас прыгать будет, – произнёс комиссар. – Один двоих истребителей завалил, мастер.

И верно – от гибнущего самолёта отделилась едва заметная точка и понеслась к земле. Сердце отца Георгия учащённо билось: что с парашютом, почему не раскрывает? А, вот есть – в небе возник купол, и в тоже мгновение на него ринулся «Мессершмитт», пытаясь расстрелять сбитого лётчика в воздухе. Не тут-то было! Очевидно, висящий под куполом пилот был не только мастером воздушного боя, но и прекрасно умел управлять парашютом, потому что сумел, стянув стропы, уйти из-под обстрела, а «Мессершмитт» не решившись повторить атаку на малой высоте, исчез в облаках. Ветер нес лётчика прямо в сторону отца Георгия и окруженцев. Ещё каких-нибудь две минуты, и он, зацепившись куполом за ветви деревьев, повис на стропах в нескольких метрах от БТРа.

– Саша! – вдруг завизжала санинструктор и, выпрыгнув из кузова, бросилась к только что приземлившемуся лётчику. – Ты как – не ранен, всё в порядке?

– Я-то не ранен, – последовал удивлённый ответ. А вот ты, Ёжик, что здесь делаешь?

– Ну я, как и ты, воюю. Товарищ комиссар, – санинструктор вся аж светилась от радости, – это мой Сашенька. – Знаю, знаю, – комиссар улыбнулся.

– Лейтенант Лукашевич, комэск третьей эскадрильи нашего авиаполка.

– Хорошо летаешь, Саша, поздравляю с двумя сбитыми.

– Спасибо, товарищ комиссар, – лётчик тоже улыбнулся. – Но я не пойму, как тут оказалась Наташа.

– Сашенька, я сейчас всё объясню, – тут же влезла в разговор санинструктор. – В общем, я из Ленинграда возвращалась, когда война началась. Пути разбомбили, пришлось идти пешком, потом на ближайшей станции воинский эшелон стоял, его тоже бомбили, а я всё-таки один курс медучилища окончила и в ОСОАВИАХИМе тоже занималась, вот меня и зачислили в медслужбу. Потом с боя-ми отступали, раненых с поля боя выносила, из пулемёта стреляла... Ну, как и все. А теперь вот из окружения выходим, трое нас из всего батальона осталось: я, товарищ комиссар, товарищ сержант госбезопасности и дядя Жора ещё. Он здесь партизанит, помог нам сегодня утром от немцев отбиться.

– Так, понятно, – лётчик, отстегнувшись от подвески, сдёрнул с дерева парашют.

– Лейтенант, до передовой далеко? – поинтересовался особист.

– Километров двести, – после короткого раздумья ответил лётчик.

– Как двести?! – комиссар аж подскочил от такого ответа. – А ты ничего не путаешь?

– Если и путаю, то в меньшую сторону, – вздохнул лётчик. – Это утренние данные, они у меня на карте, сами можете убедиться, – он хлопнул себя по висящему на боку планшету. – А немцы до полусотни километров в день проходят, вот, посмотрите. Лётчик, закончив сворачивать парашют, расстегнул планшет.

– Не надо, – отмахнулся комиссар. – Двести или ещё на полсотни больше, это для нас уже не важно. Тут недели две хода для здорового человека, а я в обе ноги ранен и, как твоя Ёжик сказала, ещё дня три, а может и все пять, ходить нормально не смогу. Вот и выходит, что даже если немцев, к примеру, сегодня остановят, то и тогда нам как ты сказал до передовой...

– А как оперативная обстановка? – перебил монолог комиссара особист. – Когда наступление начаться может? – Насчёт наступления не знаю, – пожал плечами лётчик.

– Даже слухов нет. По всем направлениям идут тяжёлые оборонительные бои с многочисленными прорывами фронта. Нас так на уничтожение танковых и моторизованных колонн кидают. Причём не только штурмовиков, но и истребителей «И-16» с РСами, а также «СУ-2», «СБ», «Пе-2». В общем, всё, что найдётся. Так что вы меня, товарищ сержант госбезопасности, не поймите неправильно, но наступления в ближайшее время не будет.

– Не пойму, – процедил сквозь зубы особист. – Я уже почти месяц от самой границы с боями пячусь, так что реализм от паники отличать хорошо научился. Ещё что сказать можешь?

– Да, в общем-то, это и всё, – снова пожал плечами лётчик. – У меня вот к вам вопрос. Если вы с партизанами соединились, то зачем же опять к линии фронта вдруг снова идти вздумали? Не лучше ли здесь остаться?

– Не лучше, не лучше, – замотал головой комиссар. Потому как, во-первых, партизан здесь нет, а это, – краткий кивок в сторону отца Георгия, – всего лишь боец-одиночка. А во-вторых, мы люди военные и воевать должны в составе регулярной армии. Да, конечно, если учитывать нашу сегодняшнюю ситуацию, мы бы могли здесь остаться и партизанить начать, но как без приказа?

– Есть такой приказ, – неожиданно заявил лётчик. – Нам на политинформации зачитали. Принято решение по возможности даже посредством листовок с воздуха проинформировать население и малочисленные окружённые воинские части о необходимости формирования партизанских отрядов и ведения вооружённой борьбы в немецком тылу.

– Вот оно как?! – обрадовался комиссар. – Так это в корне меняет дело. Мы впятером как раз под этот приказ подходим. Спасибо, Саша, за информацию. Тем более что и оружие имеется, кроме нашего, ещё двенадцать винтовок и пулемёт с бронетранспортёра в придачу. На два десятка бойцов хватит. Всё! Залезай в кузов, едем дальше.

– А я предлагаю БТР бросить, – неожиданно заявил особист. – От дороги мы уже километра на три-четыре отъехать успели, и если немцы серьёзные поиски начнут, то они бронетранспортёр по следам что в трёх, что в пяти, что в десяти километрах найдут. А мы если на нём ещё в глубь леса продвигаться будем, только зря время потеряем. Всё оружие и патроны взять с собой не получится. Лучше в брезент, что в кузове лежит, завернуть от дождя и спрятать гденибудь поблизости. Ну а мы налегке отойдём как можно дальше, там временную базу устроим, пока у вас, товарищ комиссар, ноги не заживут. А уж потом партизанить начнём.

– Разумно, – согласился комиссар и, морщась от боли, вылез из кабины БТРа.

– Александр, если из парашюта носилки сделать, они человека выдержать смогут? поинтересовался у лётчика отец Георгий, решив, что, раз их теперь пятеро, то двое могут нести оружие, а двое – раненого. Тем самым ускорить движение по лесу.

– Выдержат. Особенно если мы его стропами дополнительно укрепим, – подтвердил лётчик.

– Да не надо меня нести, я сам пойду! – запротестовал комиссар.

– Надо. Это я вам как врач говорю, – тут же заявила санинструктор. – Хотя раны и поверхностные, но всё же ноги побережь стоит, иначе процесс лечения может затянуться.

– Ну раз надо, то надо, с медициной спорить нельзя, – улыбнулся комиссар. Ладно, выдвигаемся.

Сборы в дорогу длились недолго. Пока лётчик с санинструктором готовили носилки для комиссара, отец Георгий с особистом в полусотне метров от БТРа выкопали яму, куда и сложили ненужное пока трофейное оружие и боеприпасы, аккуратно упаковав брезентом от дождя. После чего яму закопали, прикрыв для маскировки сверху дёрном и сухой травой.

«А бронетранспортёр немцам целым оставлять нельзя, – вдруг неожиданно подумал отец Георгий. – Из строя вывести надо, но как? Шины проколоть или, может... Ну да, точно». Он достал из за пояса гранату и открыл крышку капота.

– Ой, дядя Жора, а что это вы делаете? – удивлённо спросила санинструктор.

– Сюрприз готовлю, – отец Георгий улыбнулся. – Немцы мотор запустят и как минимум капитальный ремонт с заменой двигателя. А то и...

– Но если учесть здешние места, то он здесь и останется, – закончил за отца Георгия лётчик. – Ну что – идём?

И они углубились в лес.

Глава 5. Отряд

– Стойте! – шедший впереди отряда особист остановился и поднял руку в знак внимания. – Шум слышите?

Отец Георгий напряг слух – да, действительно, из глубины леса чуть правее направления их движения раздавалось едва уловимое ритмичное журчание. Что это? На шаги идущего человека не похоже. Так ведь это...

– Ручей рядом, – произнёс лежащий на носилках комиссар.

– Я сейчас, – сержант-особист скрылся в зарослях, но меньше чем через минуту вернулся: – В десяти метрах отсюда родник. Маленький совсем, но для нас хватит. —

Вот и отлично! – обрадовался комиссар. – Вода рядом, значит, привал как минимум до утра, а там посмотрим, стоит ли уходить, или здесь до моего излечения останемся. Привал так привал. Отец Георгий, сняв ранец, опустился на землю. Все остальные последовали его примеру. Почти четырёхчасовой переход, считай, со сверх полной выкладкой в виде транспортировки раненого был крайне утомительным.

– Ёжик, как у нас с продуктами? – поинтересовался лётчик у санинструктора. —

Да есть немного, – вздохнула Наталья. – Хлеб, тушёнка, каша перловая. Но надо экономить, народу-то прибавилось.

– У меня десять банок трофейных мясных консервов с само-разогревом, – улыбнулся отец Георгий. – Колбаса копчёная – её в первую очередь съесть надо, чтобы не испортилась, а ещё две галеты и сыр.

– Ой, колбаска! Я её уже целый месяц не кушала. И бутерброд с сыром, – санинструктор расплылась в улыбке.

– Да, богато живут местные партизаны, – резюмировал особист. – И где же это ты, Жора, так отоварился?

– Ну как где? У мотоциклистов немецких, – отец Георгий снова улыбнулся. – И цена небольшая – всего семь патронов на двоих. Но это моя последняя покупка была, а до этого с офицером немецким на ножик столковались. У него, кстати, я, кроме продуктов, ещё и картой здешних мест обзавёлся. Так что, как говорится, дела идут, грех жаловаться, пока что в прибыли.

Все при этих словах чуть не лопнули от смеха.

– Ладно, пошутили – и хватит, – комиссар стал серьёзным. – Значит, с продуктами порядок, во всяком случае, на три-четыре дня хватит, а потом разберёмся.

– Товарищ комиссар, здесь километрах в пятнадцати брошенная деревня есть, – прервал комиссара отец Георгий. – Там продуктов в погребах полно, сам видел.

– Деревня брошенная – это хорошо, – протянул комиссар.

– А где точно? – он развернул карту.

– Вот здесь, – отец Георгий показал искомое место.

– Да, действительно недалеко, – согласился комиссар. – По прямой километров пятнадцать будет, а стало быть, завтра налегке с лейтенантом Лукашевичем сходите за продуктами.

– Почему не втроём? – удивился особист. – Мы же больше сможем принести.

– Можете. Но ты мне здесь нужен. Пока они ходить будут, мы с тобой организацию партизанского отряда обдумаем. Как, чего и что – это ведь по твоей части.

– Да, по моей, – кивнул особист. – Я тут уже кое что в уме прикинул.

– Ну и отлично, – подытожил комиссар. – Значит, план действий на завтра готов. А теперь ужинать давайте, а трофейные консервы лучше побережь на крайний случай, пригодиться могут. Листва густая, можно костерок разжечь – сверху не увидят. А немцы до утра в лес не сунутся, они по ночам не воюют, так что отдохнём нормально.

После того как ужин был закончен, комиссар произнёс:

– Ну что, Жора, мы вас слушаем. Кто вы? Откуда? Давно воюете? Как сюда попали? В общем, всё по порядку. Да и документы посмотреть надо, если сохранились, конечно.

– Не сохранились, – вздохнул отец Георгий. – Ни документов нет, ни вещей.

И он выложил давно заготовленную душещипательную историю, суть которой сводилась к тому, что после бомбёжки поезда в первый день войны от прямого попадания бомбы погибла вся его семья – жена и двое детей. Ну и, конечно же, сгорели все вещи, а сам он чудом остался жив, поскольку перед налётом пошёл к знакомому проводнику в другой вагон. Про семью отец Георгий придумал специально, решив сыграть на жалости. Кому же приятно ещё и ещё раз вспоминать про гибель близких, повторяя одно и то же? А раз так, то и лишних вопросов о его прошлом задавать не будут, шанс проколоться меньше.

– В общем, надо было ещё на пару дней в Ленинграде задержаться, – снова вздохнул отец Георгий. – Тогда бы домой во Псков доехали точно, а так...

– Ну, это ещё не факт, – возразил комиссар. – Тут ведь, Жора, дело случая. Не одно, так другое могло случиться. Псков-то уже под немцами.

«Это точно, под немцами, вот и попробуйте проверить, оттуда я или нет», – удовлетворённо подумал отец Георгий.

– Так, ладно, – комиссар достал блокнот. – Адрес, место работы.

Ну, с этим совсем просто. Адрес отец Георгий назвал почти наобум. Был совсем недавно во Пскове по своим личным делам, вот и припомнил одну из тамошних улиц. А место работы – электрик на железнодорожной станции. Ведь в электричестве на бытовом уровне все современные люди разбираются достаточно хорошо, а диплома от него, конечно, никто не потребует. А дальше отец Георгий сделал паузу, как бы собираясь с мыслями.

– Почти неделю у добрых людей в ближайшей деревне от контузии отходил, а как нормально себя почувствовал, к своим к линии фронта пробираться начал. Да вот только я к ней, а она от меня – чуть ли не целый месяц в догонялки играть пришлось. Потом понял, что бесполезно это, немцы-то по полсотни километров в день, оказывается, проходят. Здесь решил остаться и партизанить начать, тем более что картой по случаю обзавёлся. Вот и всё.

– Значит, это ты сегодня эшелон на мосту подорвал? – неожиданно произнёс молчавший до этого особист.

– Я, – отец Георгий сказал раньше, чем подумал.

– А вы откуда знаете?

В воздухе повисла тишина.

– Знаем, – наконец нарушил молчание комиссар. – Я, – краткий кивок в сторону особиста, – сержанта на разведку отправил. Мы через железную дорогу перейти собирались. Ну так он вернулся и доложил, что видел, как человек в маскхалате мост заминировал и эшелон с танками под откос пустил, а потом ещё из пулемёта дал по паровозу. Так вот мы сошлись во мнении, что это наш ОСНАз действовал, только понять не могли, почему на мосту один человек работал. Но чтобы гражданский, да ещё и без военной подготовки в одиночку целый эшелон в реку опрокинул – это ведь...

– Да я и не думал, что получится, – честно признался отец Георгий. – Просто попробовать решил – а вдруг повезёт? Охрана ведь всего из шести человек была, а меня маскхалат хорошо укрывает, близко подобраться можно. Ну, я с дерева из пулемёта всех и положил одной очередью. Вот только не был уверен, что гранат хватит. Все, что были, восемнадцать штук, истратил, но получилось.

– Орден Красной Звезды – и не меньше, – прервал отца Георгия особист. – Согласен, – кивнул комиссар. Медали «За отвагу» слишком мало. Наташенька, помоги мне встать, – обратился он к санинструктору.

Все присутствующие тоже поднялись с земли – Медведев Георгий Владимирович! – торжественным тоном произнёс комиссар. – За уничтожение эшелона с вражеской бронетехникой вы представлены к высокой правительственной награде – ордену Красной Звезды.

– Служу Родине и трудовому народу... – услышал отец Георгий шёпот лётчика.

Да, именно так. – Служу Родине и трудовому народу! – громко и чётко повторил отец Георгий.

Хотя напоминание этой сакральной фразы для него было излишним. Образование историка, как говорится, обязывало помнить её, но именно в этот момент он прочувствовал и понял цену боевых наград, их ценность для ветеранов. Потом были и другие награды, за другое, но эта, первая, оставалась в памяти навсегда.

– Поздравляю, Жора, – комиссар улыбнулся и пожал отцу Георгию руку, – от всей души поздравляю. Приказ оформим немедленно за номером один. По партизанскому отряду. Да, кстати, товарищи, как будет называться наш отряд? Название придумать надо и список составить, чтобы всё, как положено. – Комиссар опустил на землю. – Итак, у кого какие идеи по поводу названия?

– А пусть дядя Жора назовёт, – предложила санинструктор, – ведь он же у нас сегодня герой.

– Я герой? – удивился отец Георгий. – А вы-то чем хуже? Месяц уже воюете, в настоящих боях бывали, где война настоящая, не то что тут – безответная пальба из кустов и взрыв поезда по чистой случайности...

– Товарищ Медведев, – нарочно, как можно более официальным тоном произнёс комиссар. – Я, конечно, понимаю, что скромность – неотъемлемая черта каждого советского человека. Но не до такой же степени. И потом, – он сделал паузу. – Как говорили в старину, барышня просит.

– Ладно, сдаюсь, – отец Георгий улыбнулся. Если уж барышня просит, тогда предлагаю назвать наш партизанский отряд так – «Народные мстители».

– Хорошее название, в самую точку, – тут же высказал своё мнение комиссар. – А главное, очень точно политически момент подмечен. Ведь партизаны есть армия народа, мстящая оккупантам. Предлагаю данное название утвердить. Кто за?

Пять поднятых рук. – Ладно, – комиссар сделал пометку в блокноте. – Теперь список, – и он быстро переписал всех присутствующих. – Жора, твои дата и место рождения, – обратился к отцу Георгию комиссар.

– 23 июля 1908 года. Псков, – отец Георгий ответил, как есть. Не видя особого смысла скрывать, только год от 1941-го на 33 единицы сдвинул. А вот где родился... Тут правду было лучше не говорить, и не потому даже, что этот город сейчас, в 41-м, Сталинградом, а не Волгоградом называется, а потому, что это пока ещё тыл глубокий, и, стало быть, при желании вполне можно справки соответствующие навести. Так что пусть уж его тутошнее место жительство местом рождения и будет.

«23 июля 1908 года», – начал писать в блокноте комиссар, и вдруг рука его замерла. – Подождите, так ведь сегодня...

– Да, 23 июля, – подтвердил отец Георгий, – мой день рождения. 33 года исполнилось. И, увидев удивлённые взгляды, пояснил: – Не время сейчас именины отмечать, война идёт.

– Не согласен, – возразил комиссар. – Война войной, а человек человеком. Так что, Георгий Владимирович, примите поздравления от всех нас... Ладно, – продолжил комиссар, снова открыв блокнот. – Как я понимаю, беспартийный?

Отец Георгий кивнул. – Тогда вот что, Жора. Пиши заявление. Здесь два коммуниста. Примем сразу, без кандидатского стажа. Он тебе подорванным эшелонном зачтётся.

«Так, началось, – вздохнул про себя отец Георгий. – Предложение о приёме в члены ВКПб». Этого он ждал и боялся одновременно, исключительно потому, что именно здесь

во весь рост, вставало противоречие, которое имелось между ним и этой эпохой. Ведь он верующий, да не просто верующий, а священнослужитель Русской православной церкви. Пусть и де-факто лишённый сана, но никак не веры в Бога, а раз так, то ни о каком вступлении в ряды партии большевиков и речи быть не может с одной стороны. А с другой – во время войны Русская православная церковь и ВКПб действовали как бы заодно. Ну, в смысле борьбы с фашизмом. И, стало быть? Да и потом – прямой отказ от вступления в партию может плохо сказаться на его теперешнем положении, что крайне нежелательно. И как же в таком случае быть? Выход из возникшей ситуации нашёл отец Георгий ещё прошлой ночью, когда разрабатывал план своей легализации в этом времени. И заключался он в простом принципе: если знаешь, что откажут, не отказывайся сам.

– Товарищ комиссар, за предложение спасибо, но... – отец Георгий сделал паузу.

– Боюсь, что вы меня в члены ВКПб не примете.

– Это почему же? – искренне удивился комиссар.

– Ну дело в том, что... В общем, я верующий.

– Что? – на лице комиссара появилось такое выражение, будто он впился зубами в самый кислый в мире лимон.

Да-да, в Бога верю, – подтвердил отец Георгий. Комиссар был явно растерян и только часто-часто моргал глазами, не зная, что сказать. Надо было срочно спасти ситуацию, и отец Георгий сделал ход конём, решив тем самым повернуть разговор в другое, абсолютно иное русло. Не говоря ни слова, он открыл ранец, вынул консервы, а потом извлёк коробку с иконой и извиняющим тоном произнёс:

– Товарищ комиссар, товарищи, тут такое дело, раньше хотел сказать, да всё времени не было. В общем, я...

В багрово-красном свете догорающего костра сверкнул золотой оклад, заискрились драгоценные камни, а повисшая кругом тишина, казалось, стала ещё гуще.

– Откуда? – наконец выдавил особист.

– У немца в ранце была, – ответил отец Георгий. – У того самого, у которого я карту, автомат и маскхалат с сапогами забрал.

– Можно? – комиссар протянул руку.

– Да, конечно, – отец Георгий передал икону комиссару.

Тот долго её разглядывал, а потом произнёс: – Страну грабят,... – и выразительно посмотрел на особиста.

– Это, сержант, по твоей части. Всё, как есть, зафиксируй, протокол составь. Жору об обстоятельствах дела допроси, не мне тебя учить. Об этом случае обязательно в Москве знать должны.

– Товарищ комиссар, а она что – из золота? – поинтересовалась санинструктор.

– Да, Наташенька, из золота с драгоценными камнями. Историко-культурная ценность и народное достояние. Икона пошла по рукам и, сделав круг, снова оказалась у отца Георгия. – Значит так, Жора. – подытожил комиссар. – Если икону спас и в Бога веришь, то тебе её и хранить. При первой же возможности переправим на Большую землю, поскольку это предмет не только религиозного культа, но и, как я уже сказал, историко-культурная ценность. А теперь, – комиссар сладко зевнул, – отбой. Часовые сменяются каждые два часа. Медведев, Шилов, Лукашевич. Я и Ёжикова под утро.

– Товарищ комиссар, вы ранены, а потому должны полноценно отдыхать.

Комиссар открыл рот, чтобы возразить, но, так ничего и не придумав, произнёс:.

– Ладно, дежурство по два тридцать. – И передал отцу Георгию часы со светящимися стрелками. – Всем спать.

Сон почти мгновенно сморил уставших донельзя людей. Не спал лишь отец Георгий, исполняя обязанности часового. Это была его вторая ночь в новом времени. Вторая ночь

на войне, и вот сейчас, оставшись наедине с самим собой, можно было подвести первые итоги. Уже партизан, уже пулемётчик в составе отряда, уже эшелон с танками подорвал и за то к награде, ордену Красной Звезды представлен. И это за неполные двое суток. Что же, для начала совсем неплохо. А что завтра будет? Доживёт ли он до конца войны, или... Ведь на войне каждый день может стать последним. Да может, конечно, но пока он живой, будет бить врага, где сможет и как сможет. А там на всё воля Божья.

– У-у-у, – санинструктор вдруг задёргалась и жалобно застонала во сне.

«Кошмары снятся», – догадался отец Георгий. Да, такое с фронтовиками часто бывает. И на войне, и многие годы потом. Вот и у Наташеньки тоже. Эх, был бы он не историком, а психологом, нашёл бы способ, как Ёжику помочь. Ёжику, как зовёт лейтенант санинструктора. Ёжиком называет, ну прямо как протоирей Александр свою жену матушку Наталью. Так ведь. У отца Георгия перехватило дыхание. Неужели они? Быть этого не может! А впрочем, почему не может? Оба участники войны, оба из Минска. Причём протоирей Александр лётчиком в штурмовой авиации был, а матушка Наталья – санинструктором, и в начале войны партизанили оба, и возраст подходит, разница в пять лет, а даты рождения одинаковые – 1 сентября. Вот это встреча! Бывает же такое! Отец Георгий невольно улыбнулся, неожиданно поймав себя на мысли о том, что он приобрёл дар пророчества. Да-да, именно дар, и никак иначе. Ведь ему абсолютно точно известно, что произойдет в этом мире в последующие 72 года в целом вообще и с отдельными людьми в частности. Ну с Александром и Натальей, к примеру. Вот бы всё им рассказать – какая бы радость была узнать о том, что на войне не погибнут и что семья у них будет, дети, внуки, правнуки. Всё бы сейчас легче было. Ведь оно так всегда легче, если о хорошем конце знаешь. О хорошем...?

Раскрученная воспоминаниями память выдала очередную порцию информации, от которой у отца Георгия всё похолодело внутри. Ведь если это они, а тут сомнений нет никаких, то Наталье ногу отрежут по ранению. Какой ужас! Его снова передёрнуло, как от удара током. И что же теперь делать? Всю, как есть, правду рассказать? Исключено. Предотвратить, в ход событий вмешавшись, – не вариант. Во-первых, как и когда всё случится, ему неизвестно, а во вторых, если бы и знал, то ещё вопрос, что из всего этого выйдет. Может, тогда вообще матушку Наталью на войне убьют. Ну и, наконец, самое главное. Можно ли в принципе, из будущего в прошлое вернувшись, историю изменить? Так-то одному Богу известно, а раз так, вот и выходит, что не столько сладок и приятен дар пророчества. А делать-то что?

Долго думал отец Георгий, пытаясь найти наиболее щадящий вариант, и, наконец, решил. Надо подготовить Наталью к тому, что случится, мягко, исподволь, постепенно, по мере сил и возможностей, чтобы не так больно было.

Глава 6. Лицо войны

– Товарищ лейтенант, смотрите. Что это? – отец Георгий остановился и указал на висящий среди ветвей деревьев блестящий под лучами солнца белый предмет.

– Это, – Александр глянул в сторону, куда указал отец Георгий. – Это, Жора, обломок хвостового оперения самолета, и, если судить по размеру, то тут где-то недалеко транспортник либо сбили, либо он сел на вынужденную.

– Так, – Александр быстро сориентировался. – Метров двести-триста на восток, не больше. Пошли посмотрим, что там осталось. Он наверняка не горел, а просто приземлился жёстко. Может, что ценное подберём.

– Пойдём, – согласился отец Георгий. – Тем более что это недалеко и не займёт много времени.

Они двинулись в направлении предполагаемого места авиакатастрофы. В своём предположении лейтенант Лукашевич не ошибся. Пройдя около четверти километра, отец Георгий и Александр вышли к месту падения самолёта. Но это оказался не транспортный «Ли-2», советский вариант «DC-3 Дуглас», а довольно устаревший «К-5», или «Калинин-5». Небольшая восьмиместная одномоторная машина, используемая в основном на местных авиалиниях в начале тридцатых. Крылья при падении срезало от удара о деревья, но фюзеляж, окрашенный в белый цвет, с большим красным крестом был почти цел, если не считать многочисленных пробоин от пулемётных очередей, которые красноречиво свидетельствовали об истинной причине происшедшей трагедии.

– Санитара сбили... – произнёс сквозь зубы Александр. – Даже раненых не жалеют... Ладно, посмотрим. Там внутри медикаменты должны быть. Для нас это хорошо. Заберём и уходим.

Даже хорошо? От этих слов отца Георгия слегка покорило. Он хотел было возразить. Как же так может быть, чтобы гибель раненых людей была для них полезной? Но промолчал, потому что понял: Александр, безусловно, прав, только не по меркам мирного, а по меркам военного времени. Ведь погибшим раненым уже не помочь, а медикаменты им действительно пригодятся, чтобы жизни других раненых спасти. Вот и выходит, что польза.

– Жора, там... – Александр отшатнулся от иллюминатора и посмотрел на отца Георгия полным ужаса взглядом.

– Что там? Отец Георгий тоже глянул в иллюминатор и остолбенел от увиденного: внутри разбитого самолёта были не раненые бойцы Красной армии. Там были дети. Тринадцать ребятшек в возрасте пяти-семи лет, сидевших по двое в креслах. Не иначе как младшую группу детдома эвакуировали. Вот почему на санитарном самолёте. Надеялись, что немцы пожалеют, а они их...

– Жора, нам надо уходить, донеслись как бы издалека до отца Георгия слова Александра. – Мы уже ничего сделать не можем, только мстить.

– Саша, давай их похороним, – предложил отец Георгий. Нельзя их так оставлять.

– Нет, Жора, – после недолгого молчания возразил Александр. – Не получится, нечем могилу копать. Позже вернёмся и похороним, а сейчас уходить надо.

– Да, надо, – согласился отец Георгий. – Только я помолюсь за них. Весь оставшийся до деревни путь они проделали в полном молчании. Внутри у отца Георгия была пустота. Ни ненависти к врагам, ни ужаса от увиденного, ни жалости к погибшим, ничего, словно ледяной холод заполнил всё его существо. А перед внутренним взором то и дело возникали погибшие в самолёте дети. Лицо войны, в которое он только что отчетливо заглянул. Но не один кошмар не может длиться вечно. Либо человек сходит с ума от пережитого, либо психика ставит мощный защитный барьер, справляясь с ситуацией.

– Значит так, Жора, – Александр многозначительно посмотрел на отца Георгия.

– О том, что мы нашли, по возвращении – ни слова. Только комиссару доложим, а остальным, особенно Наташеньке, об этом знать совсем не обязательно.

– Согласен, кивнул отец Георгий, а сам подумал: «Ей и без этого ещё столько ужасов пережить придётся, так что чем меньше знает, тем лучше».

В деревню, как ни странно, за двое прошедших суток никто из немцев так и не наведлся, о чём явно свидетельствовал стоящий на прежнем месте мотоцикл убитого отцом Георгием офицера. А ведь немцы своего должны были уже начать искать.

– Ничего странного, Жора, – возразил Александр, когда отец Георгий сказал ему об этом. – Наверняка офицерик этот всё по тихому обстрелять решил и заскочил сюда по пути куда-то. Вот поэтому-то здесь его никто и не ищет. Ладно, давай продукты искать, и чем быстрее всё сделаем, тем лучше.

Из продуктов решили брать только картошку, потому как найти что-либо ещё из долго хранящихся продуктов, которые можно унести с собой, в покинутой деревне было просто невозможно. – Ну не будешь же, в самом деле, тащить с собой по лесам бочку квашеной капусты или мешок муки, чтобы хлеб на привале печь? – Вот поэтому бульбой и ограничимся. Так, вроде всё, Александр внимательно осмотрел собранное. – Продукты, спички, бумагу, топор, пилу взяли, сапёрную лопатку в мотоцикле у немца взяли. Ещё что?

– Следы убрать надо, товарищ лейтенант, – предложил отец Георгий. – Ведь немцы сюда всё равно когда-нибудь наведуются. Офицера убитого и мотоцикл найдут – сожгут деревню обязательно, а если мы тут всё спрячем, может, она и уцелеет. Будет куда людям вернуться. Да и нам самим сюда в случае чего ещё раз за продуктами прийти можно будет.

– Дельная мысль, – согласился Александр. – Значит так. Бабушку хороним в лесу, мотоцикл тоже в лес загоним, а немца... Без могилы обойдётся – волкам тоже кушать надо.

Но поступить как планировали не получилось, вернее, не совсем. Бабушку они похоронили честь по чести и даже крест поставили, а вот дальше вмешался случай. В деревню наконец-то пожаловали немцы. То ли те, которые убитого офицера искали, то ли другие – залётные, но вдруг из леса со стороны дороги совершенно отчётливо послышался шум автомобильных моторов как раз в тот момент, когда отец Георгий и Александр собирались вытаскивать из дома труп убитого офицера.

– Так, Жора, всё, уходим, его без нас с салютом в Берлине похоронят.

– Да-да, сейчас, я только... – отец Георгий быстро вынул из кармана немецкую трофейную гранату М-39 типа нашей лимонки и закрепил её запальным шнуром за спицу заднего колеса мотоцикла. – Вот теперь пускай ездят. Это им за детей в сбитом самолёте «салют» от Жоры-партизана.

Укрывшись в зарослях на опушке леса, отец Георгий и Александр стали наблюдать за дальнейшим развитием событий. Да, конечно, они бы могли с чистой совестью уйти. Дело-то сделано. Продуктов набрали, бабушку похоронили, сюрприз фрицам оставили. Но, во-первых, хотелось посмотреть на деяние рук своих, а во-вторых, лишние разведанные тоже не помешают. Кто и зачем сюда появился.

Между тем в деревню вполз колёсный БТР, а за ним тентованный грузовик с солдатами, которые, как автоматы, повинувшись командам сидящего в кабине бронетранспортёра офицера, рассыпались веером вокруг остановившихся машин, занимая круговую оборону. «Мотоцикл увидели сразу, – понял отец Георгий. – Вот и думают, что на засаду напоролись. Надо же, бояться – и то хорошо. Видать, подорванный эшелон аукнулся. Дальше что?»

А дальше, отделившись от основной группы, пятёрка солдат занялась проверкой деревни и только по её окончании, убедившись в полном отсутствии противника и вообще людей, немцы занялись своим обычным в таких случаях делом – сожжением деревни, предварительно проведя повальный грабёж домов, который не дал практически никакой поживы.

Оно и понятно, это же им не Европа и даже не средний российский город, где хоть что-то да можно на-скрести. Русская деревня первой половины XX века. Колхоз – трудодни вместо денег, тут не до роскоши. Только самое необходимое, да и его жители унесли с собой. «Да, не повезло нам сегодня, – думал отец Георгий, наблюдая, как занимаются огнём подождённые дома. – Ещё бы с пол часика, и всё бы убрали, а так вернутся люди на пепелище. И ведь даже пулемёта нет, чтобы пройтись по этим... на всю ленту. А из автомата с двухсот метров всех не положишь...» Отец Георгий обернулся к Александру:

– Товарищ лейтенант, а может, когда граната в мотоцикле рванёт, дадим пару очередей?

– Нет, Жора, не стоит. Немцев здесь два десятка и БТР с пулемётом, а нам ещё к своим продукты доставить надо. Так что пусть живут пока.

«Пусть живут те, кто после моего сюрприза уцелеет, – закончил про себя отец Георгий. – Заодно и посмотрим, на скольких одной гранаты хватит». А хватило её на многих. Причём не только на солдат, но и на технику – исключительно благодаря тому, что отряжённый для управления мотоциклом убитого офицера немец не пожелал плестись в конце колонны и глотать пыль, поднятую впереди идущими машинами, а пошёл на обгон. Вот тут-то немецкая граната, тёрочный запал которой не в пример нашей лимонке горит около шести-семи секунд, и рванула. Как всё произошло в точности, отец Георгий не видел, поскольку в момент взрыва мотоцикл был закрыт грузовиком, но фейерверк получился знатный. Сначала взорвалась граната, и почти тут же – бензобак мотоцикла, огонь от которого перекинулся на тент кузова, и тут сдетонировал бак грузовика, превратив машину в огромный костёр, который, подобно брандеру, двигаясь по инерции, въехал в зад бронетранспортёру, из-за чего тот, свернув с дороги, врезался в дерево. Паника была полная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.